

— Здравствуйте, — вежливо произнесла Лян Мэньюй. — Я хотела бы видеть Чжоу Синьи. Он дома?

— А-а... — девушка протянула, с выражением полного понимания на лице. — Так поздно, и к молодому господину. Проходите, барышня.

Девушка провела Лян Мэньюй в гостиную, налила чаю и сказала:

— Вам, наверное, придётся подождать, барышня. Господин сейчас занят.

— Чем он занят? — спросила Лян Мэньюй.

Девушка неловко улыбнулась:

— В общем, занят. Лучше не беспокоить.

С трудом сдерживая нарастающее беспокойство и нетерпение, Лян Мэньюй тихо сказала:

— Хорошо, я подожду.

«А эта барышня довольно-таки вежлива, не похожа на тех, что вьются вокруг господина Хуана», — подумала девушка и, вместо того чтобы идти к Чжоу Синьи, направилась в гостевую комнату, где остановился Хуан Ган. На пороге она столкнулась с ним самим, выходящим по своим делам.

— Господин Хуан, простите, простите! — засуетилась она.

— О чём думаешь? — с досадой сказал Хуан Ган. — Идёшь и не смотришь.

Девушка тут же заговорила:

— К господину пришли, но он сейчас... Я не смею войти, вы потом ему передайте, хорошо?

— Кто пришёл?

— Не спросила. Барышня, красивая.

— В такой час? Какая ещё барышня? — пробурчал Хуан Ган, но согласился.

«Частенько он стал нуждаться в последнее время», — с непристойной усмешкой подумал он, отправил Чжоу Синьи сообщение и отправился в душ.

Прошло неизвестно сколько времени. Чжоу Синьи, узнав от Хуан Гана, что его кто-то ищет, наконец сошёл в гостиную, весь в недоумении.

Увидев фигуру на диване, он аж вздрогнул. Глубоко вздохнув, он медленно подошёл и сел рядом с Лян Мэньюй. Протянул руку, чтобы коснуться её щеки, и голос его сразу смягчился:

— Что ты так поздно пришла?

В голосе Лян Мэньюй не было ни капли тепла:

— Где Хэ Е?

Протянутая рука замерла в воздухе. Чжоу Синьи нахмурился:

— Хэ Е пропал?

Лян Мэньюй повторила, уже жёстче:

— Где он?!

Брови Чжоу Синьи сдвинулись ещё сильнее. Сдерживая раздражение, он произнёс:

— А почему ты спрашиваешь меня? Я не знаю.

Лян Мэньюй ничего не ответила, лишь пристально смотрела на него. И хотя Чжоу Синьи чувствовал её ярость, в её взгляде, помимо гнева, было больше мольбы. Он молча смотрел на неё, и ему казалось, что у него в груди что-то кровоточит. Через мгновение он принял беспечный, развязный вид и в ответ спросил:

— Не смотри на меня так. Своего мужчину потеряла — ко мне зачем?

— Где он? — те же слова, но в глазах Лян Мэньюй уже стояли слёзы, и голос звучал куда мягче прежнего.

Но Чжоу Синьи сохранял прежнее безразличие. Закинув ногу на ногу, он с видом полного превосходства заявил:

— Я мужчин никогда не прятал.

Потом Чжоу Синьи и Лян Мэньюй ещё долго разговаривали. Хуан Ган, принявший душ и теперь подглядывавший за ними, находился слишком далеко и не мог расслышать слов.

Но он видел, как Чжоу Синьи подхватил Лян Мэньюй на руки и унёс в спальню.

Что произошло потом — все могли догадаться. Хуан Ган, глядя на их удаляющиеся спины, лишь вздохнул и пошёл спать.

Когда ночь уже перевалила за середину, Лян Мэньюй села на кровати. Не успев как следует одеться, она поджала ноги, обхватила их руками и, всё ещё умоляюще, спросила:

— Теперь можешь сказать, где Хэ Е?

Говоря это, она не могла сдержать слёз.

Чжоу Синьи, казалось, спал и долго не отзывался. Лян Мэньюй не торопила его, лишь тихо опустила голову на колени и тихо всхлипывала.

Спустя какое-то время Чжоу Синьи не выдержал. Он накинул на неё лежавший рядом халат:

— Не простудись.

Лян Мэньюй не прекращала плакать, лишь умоляла сказать, где Хэ Е. Её голосок звучал совсем жалобно.

— Не знаю я, — спокойно сказал Чжоу Синьи. Увидев, как она страдает, он с болью вздохнул, немного помедлил и осторожно спросил:

— А ты не думала, что Хэ Е мог сам...

— Нет... — Лян Мэньюй подняла голову, перебивая его. — Хэ Е не бросил бы меня. Ты что-то с ним сделал, правда? — Дрожащими руками она вцепилась в его руки и, униженно умоляя, прошептала:

— Прошу тебя, не делай ему больно... Я отдам тебе всё, что у меня есть...

Чжоу Синьи глубоко вздохнул, и ему показалось, будто тысяча игл вонзилась ему в сердце. Боль, ревность, гнев и — больше всего — это мучительное, беспомощное сожаление.

Он сжал кулаки так, что пальцы заболели, сдержал все чувства внутри и с сарказмом произнёс:

— Что ты ещё можешь мне дать?

Лян Мэньюй была на грани. Единственное, что могло её успокоить, — это узнать, где Хэ Е. Но что бы она ни говорила, в ответ слышала лишь три слова: «Не знаю».

— Я никогда не говорил, что знаю, где он! — не выдержал наконец Чжоу Синьи, взорвавшись.

Лян Мэньюй остолбенела. Сейчас она ничего не слышала. Крик Чжоу Синьи разбил её последнюю надежду и окончательно растоптал её достоинство. Ей хотелось бежать из этого места, никогда больше не видеть этого человека.

Не обращая внимания, что на ней лишь халат, она рванулась было встать, но Чжоу Синьи схватил её, крепко сжав запястье, и добавил:

— Никуда ты не пойдёшь!

Да где уж Лян Мэньюй было совладать с силой Чжоу Синьи? Как она ни билась, не могла вырвать свою руку из его хватки и на полпальца.

— Сказал же — никуда! — жёстко прижал её к кровати разъярённый Чжоу Синьи. — Ты в таком виде, среди ночи, собралась... — Он не договорил, потому что Лян Мэньюй в отчаянии схватила со столика ножницы и ткнула ему в бок.

Чжоу Синьи крикнул. Хотя он и отпрянул быстро, ножницы всё же проехали по его правой руке, оставив длинный глубокий порез. Кровь хлынула немедленно.

Глубоко вздохнув, Чжоу Синьи по-прежнему крепко держал её за запястье. Из-за обильно текущей крови его тон смягчился, словно он сбросил свою защитную броню.

— Синьи...

Простыню залила кровь, и это, как ни странно, заставило Лян Мэньюй немного успокоиться. Чжоу Синьи, прижимая рану, с трудом сдерживая боль, заговорил мягко, словно уговаривая ребёнка:

— Мэньюй, так поздно выходить одной — опасно. Не капризничай, ладно?

Лян Мэньюй смотрела на кровь, сочившуюся из его руки, и, казалось, все силы покинули её. Она тихо покачала головой, глядя на его окровавленную руку.

— Прости... Синьи... прости...

— Не надо, — Чжоу Синь криво усмехнулся. — Я рану обработаю, и если ты правда хочешь уйти, я тебя провожу, хорошо? — С этими словами он накинул халат, с трудом поднялся с кровати и медленно поплёкся к двери.

На пороге он остановился:

— Вообще-то, ты ещё можешь дать мне кое-что — своё сердце. Но, думаю, ты не захочешь, да?
— Он горько усмехнулся, обернулся, взглянул на Лян Мэньюй и добавил:

— Я правда не знаю, где он. Наверное, просто задержался по делам.

Сам не заметив как, Чжоу Синь очутился у двери комнаты Ван Яньшуан, домашнего врача.

Рана была неглубокой, лишь плоть поранила, до кости не дошло. После обработки Ван Яньшуан быстро наложила на руку Чжоу Синь бинт.

— Как так вышло-то? — спросил Хуан Ган. Услышав, что Чжоу Синь ранен, он мигом проснулся и со скоростью света примчался в комнату Ван Яньшуан.

Чжоу Синь сидел, опустив голову, и не отвечал. Хуан Ган собрался было допытываться дальше, но Ван Яньшуан, стоявшая рядом, хлопнула его по плечу, давая знак замолчать.

Хуан Ган вздохнул. Ван Яньшуан обратилась к Чжоу Синь:

— Господин, не вернуться ли вам к ней?

Чжоу Синь устало покачал головой. Впервые он не хотел её видеть.

Впервые у него возникло желание сбежать.

Возможно, потому что он получил желаемое.

А возможно, потому что вдруг протрезвел, понял, что никогда по-настоящему получить не сможет.

— Шуан права, — поддержал Хуан Ган. — Мужчина, который исчезает сразу после того, как переспал с женщиной, — это же полное разочарование.

Чжоу Синь усмехнулся, и усмешка его была горькой:

— А женщина, которая сразу после того, как переспала с мужчиной, спрашивает про другого мужчину, разве не большее разочарование?

— Возможно, мне не стоит вмешиваться в ваши дела, но... — Ван Яньшуан помедлила, затем продолжила:

— Её нынешнее состояние вызывает некоторое беспокойство.